

УДК 82-3: 008

«Шолоховская школа» в мировой литературе

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,
Южный Федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена «шолоховской школе» в мировой, особенно немецкой, литературе. Знакомство зарубежных писателей с произведениями М.А. Шолохова было не только культурной потребностью, но и явилось важнейшим фактором в разработке актуальных задач национальных литератур. Освоение Шолохова-художника в данном русле способствовало их поступательному развитию. Так, немецкие писатели (ГДР) наметили основные установки подлинно исторического понимания и бытования в своей культуре русского гения. В этом заключается огромное значение диалогических взаимосвязей как существенной стороны мирового литературного процесса.

Ключевые слова

Шолоховская школа, типологическое сходство, творческое влияние, модель человеческого бытия, учитель в литературе и жизни, тема доверия, «немецкие Мелеховы».

Введение

Сегодня весьма важно не только *заново* исторически осмыслить не

утратившие своей духовной и художественной ценности произведения М.А. Шолохова, но и объективно, без идеологем, взглянуть на «шолохов-

скую школу» в усвоении её плодотворных традиций мировой литературой. Исследовать «шолоховскую школу» – значит глубже постигнуть наследие самого Мастера, его позицию в социокультурной жизни и в идейно-эстетических исканиях XX–XXI веков, осмыслить диалогические отношения зарубежных писателей с автором «Тихого Дона», «Поднятой целины» и «Судьбы человека», оценить глубинные пласты его идей и творческих открытий, воспринятых и реализованных ими в своих книгах.

М. Шолохов-художник в диалоге культур-цивилизаций

Новые национальные задачи, представшие перед литераторами многих стран в стремительно меняющемся мире, совпадали или во многом перекликались с теми задачами, которые решал в своё время Шолохов. Романист новаторски раскрывал до того неизвестный зарубежной истории и писательской практике ход социальных преобразований в России, что вызвало объективную потребность обратиться к его богатому художественному опыту. Зарубежные литераторы внимательно изучали и продолжают изучать сегодня шолоховское искусство соче-

тания эпической широты повествования с раскрытием глубоко жизненных, драматических конфликтов и характеров на переломных этапах российской истории. Они стремятся исследовать творческую палитру русского классика, осмыслить проблематику его произведений с позиции национального сознания и запросов реальной действительности. Шолоховский роман имеет богатую историю творческого влияния на художественные искания зарубежных писателей вплоть до настоящего времени.

В частности, с именем русского Мастера связано идейно-творческое становление *писателей современных новоарабских литератур* Т. Аль-Хакима, О. Фахури, С. Хурани, Х. Аль-Каяли, А. Абеда, М. Дибба, Абдуррахман-аш-Шаркави, Х. Мина и Ш. Багдади. Иракский литературовед Сальман Али Маалан убеждённо отмечает: «Нельзя не заметить шолоховского влияния в таких произведениях, как «Кровь не высохнет» и «Караван жертв» Аль-Хамиси, «Большой дом» Аш-Шаркови, «Синие лампы» Мухаммеда Дибба, «Снег идёт в окно» Ханна Мины... Реальны типологические схождения»¹.

1 Сальман Али Маалан. Творчество М.А. Шолохова в арабском мире // Шолохов-

Шолоховские традиции прослеживаются в китайской литературе с романов Чжоу Либо «Ураган» (1948, рус. пер. 1951, Государственная премия СССР за 1952) и Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» (1949), посвящённых становлению нового сознания в связи с социальным переустройством сельского хозяйства, до многих произведений современных писателей. Известный шолоховед Лю Ядин в своей книге «Донской порог – М.А. Шолохов» (Сычуань, 2001) отмечает многообразие творческого восприятия русского романиста литераторами Китая².

Идущие от романов Шолохова мощные творческие импульсы, связанные с духовным возрождением человека-труженика под влиянием демократических преобразований народной жизни, вдохновили северокорейского писателя Ли Ги Ена на создание популярного романа «Земля» (1948), шведского прозаика Ивара Лу-Юханссона – на написание «Спокойной ночи, земля» (1933), чешскую писательницу Марию Пуйманову – на трилогию «Люди на распутье» (1937-

1952), а болгарского собрата по перу Николу Радева – на повесть «Когда Господь ходил по земле» (2003), за которую он был удостоен звания лауреата Международной премии имени М.А. Шолохова (2005).

«Учитель не только в литературе, но и в жизни»

В истории «зарубежного Шолохова» особое место занимает его плодотворное воздействие на художественные искания немецких писателей, особенно в бывшей ГДР. На заре существования самого молодого государства Европы известный поэт И. Бехер видел единственную возможность возрождения немецкой литературы в *творческом синтезе* с русской советской классикой. «Национальное начало литературы, – утверждал он, – определяется ещё и тем, в какой мере она восприняла, переработала и творчески развила национальное начало других литератур. В выборе того, что она усваивает из литературы других народов, сказывается её собственный характер и определяется, подлинно ли он национальный»³. Как исполне-

ские чтения. Сб. науч. трудов. Вып. 2. / Отв. ред. Ю.Г. Круглов. – М., 2002. – С. 99, 100.

2 Лю Ядин. Шолоховедение в Китае // Вёшенский вестник. – 2010. – № 10. – С. 123

3 Becher J. Verteidigung der Poesie // Becher J. Werke in 3 Bdn. Bd. 3. – Leipzig, 1971. – P. 91.

ние завета И. Бехера, в приветственном юбилейном адресе русскому художнику прозвучала убедительная констатация: «Творчество Шолохова послужило одним из сильных импульсов для создания новой демократической немецкой культуры. Для многих ведущих немецких писателей, таких, как Анна Зегерс, Лион Фейхтвангер, Вилли Бредель, Эрвин Штриттматтер, Бернгард Зеегер и Эрик Нойч, Шолохов стал *учителем не только в литературе, но и в жизни*»⁴. Несомненно, ориентация немецких и других зарубежных литераторов на певца тихого Дона и России проявляется как осознанное стремление опереться на завоевание мирового искусства.

В немецкую литературу ФРГ и ГДР 50-х годов входило новое поколение писателей. К своим тридцати годам они успели пережить мобилизацию в вермахт, восточный или западный фронт, ранения, некоторые из них побывали в плену, другим удалось дезертировать, чтобы не погибнуть весной сорок пятого. Они видели и пережили капитуляцию фашистской Германии. Схожие биографии были у тех из них, кто стал писателем, что-

бы рассказать об искалеченных судьбах своего поколения: у Д. Нолля и М. В. Шульца, Г. Канта и И. Бобровского, Г. Бёлля, Г. Грасса и З. Ленца. Новую литературу Германии создавали в первую очередь те, кто пережил трагедию в нерасторжимой связи со своим народом. Она оказалась надолго разделённой, как и нация в целом. Хотя антифашистская тема в творчестве немецких писателей заняла ведущее место, в ней делались разные акценты. Если восточногерманские писатели были озабочены в первую очередь *воспитанием нового человека* (в их произведениях зачастую изображалось очищение от нацистских догм рядовых вермахта и обывателей, довольно болезненно переживающих утрату иллюзий), то западногерманские литераторы сосредоточили внимание на *ответственности каждого немца* за случившееся и содеянное, без понимания чего невозможно покаяние нации. Такая ситуация варьировалась в романах «Приключения Вернера Хольта» Д. Нолля, «Мы не пыль на ветру» М.В. Шульца, «Актный зал» Г. Канта, «В поисках Гатта» Э. Нойча и многих других. «Исследование литературы ГДР, – справедливо отмечает филолог-германист В.А. Фортунатова, – должно стать *исследованием*

4 Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Materialien des Internationalen Symposiums «Scholochow und wir». Leipzig, 1966. – S. 13, 270-275.

человека этой страны, выявляющим параметры его существования»⁵.

Если для некоторых зарубежных прозаиков Шолохов является образцом, например, «чистого» психологического мастерства, то для немецких романистов решающий смысл имела тесная связь шолоховского искусства раскрытия внутреннего мира индивида с социальным сознанием его персонажей. Именно поэтому в ГДР более всего художественный метод русского классика воспринимался в своей органической целостности. Ряд произведений немецких писателей 60-х годов *типологически* родственен шолоховскому роману, поскольку в них выдвигаются сходные проблемы социального переустройства национальной жизни и формирования человека с новым мышлением.

Вместе с тем «Тихий Дон» и «Поднятая целина» в плодотворном диалоге с иным идейно-эстетическим сознанием оказывают определённое влияние на самостоятельные художественные искания и решения зарубежных литераторов. В этом случае

типологическое сходство зачастую сочетается с творческим освоением ими своих национальных литературных традиций и непосредственным воздействием шолоховского слова и опыта на родственные по жанру произведения.

«Магнитное поле» шолоховского романа

«Тихий Дон» и «Поднятая целина» не только представляют собой типологическую аналогию по отношению ко многим зарубежным романам XX – XXI веков. В них отражены поиски своего места в новой жизни человека, оказавшегося в буре событий современной ему эпохи и на определённое время попавшего в чужой стан, «поднимают целину» становления нового личностного сознания и развития в изменившемся социуме. Вместе с тем «Тихий Дон» и «Поднятая целина» являются общепризнанным образцом писательского мастерства. Благоприятное влияние метода русского романиста-классика следует рассматривать многосторонне и в связи с творческой индивидуальностью каждого зарубежного писателя, прошедшего через его «магнитное поле» – от воздействия философско-эстетических

5 Фортунатова В.А. Литература ГДР: между фантомом и реальностью // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 157, 158, 161.

взглядов и концепции личности до усвоения отдельных элементов его художественной системы. Представители иных культур справедливо осознают творчество Шолохова не как формально-эстетический феномен, а как некий важный для них «путеводитель» (Wegweiser) к правде жизни, как пример эстетического осмысления национальной действительности.

Антивоенная тема в немецкой литературе, имеющая многовековую плодотворную традицию, приобрела в бытность обоих германских государств – ФРГ и ГДР – особое место и роль. Среди многих антивоенных и антифашистских произведений писателей безусловный интерес представляет весьма значительный круг романов, получивший в литературоведении и критике обобщающее название «романы о разрыве пелены лжи». Они раскрывали горестные судьбы и прозрение тех, кто сражался в годы Второй мировой войны на несправедливой стороне. Их идейно-нравственный пафос составляла «драма решения» или проблема «непреодоленного прошлого», «расчёта с прошлым». Так, актуальность трактовки-рефлексии минувшей войны писателями ГДР разных поколений отражала качественно новый подход к событиям, ставшим до-

стоянием истории, но продолжавшим во многом определять мировоззрение и поведение современников.

На рубеже 60-х стало всё больше появляться немецких книг о постепенном «духовном выпрямлении» тех, кто был обманут демагогической пропагандой нацизма и в окопах войны с муками сомнений и раскаяния освобождался от «наркоза величественной лжи». Они раскрывали всю горькую правду о кровавых ужасах войны, служили делу воспитания мужества для борьбы с ней, условиями и строем, её порождающим.

Молодыми писателями был использован и творчески обобщён литературный опыт их предшественников, в частности, опыт создателей литературы о «потерянном поколении», особенно Э.М. Ремарка, Э. Хемингуэя и Р. Олдингтона, которые также уделяли значительное внимание разоблачению антигуманной сущности империалистической войны, её бессмысленной жестокости.

Антивоенные романы отличаются несомненным сходством мировоззренческой позиции их авторов, которая свидетельствовала о прямой общности жизненного опыта создателей романов о «разрыве пелены лжи». Так, герои Д. Нолля, М.В. Шульца, В.

Нейгауза, Г. Тюрка и других писателей вместе с массой народа находились в общем ослеплении фашистской идеологией, но нашли обратный путь к правде. Они смогли передать, как происходило «рождение нового человека»⁶.

Объединение представителей «непотерянного поколения» и их героев позволяет говорить о типологическом единстве антивоенных романов ГДР, в которых отчётливо выражена связь обстоятельств и характеров. Их взаимодействие имело место в традиционном немецком «романе воспитания» (*Erziehungsroman*), совмещавшем в себе черты «романа событийного» и «романа характеров». В них утвердился качественно новый тип «ищущего героя». Хотя он по традиции и восходил к весьма отдалённым временам, вместе с тем во многом сближался с современными персонажами Шолохова, Ал. Толстого, Федина, Л. Леонова и других больших писателей России. Данный факт подтвердила и совместная дискуссия деятелей культуры ГДР и СССР по проблеме «Война и литература» (Берлин, июнь 1970).

Немецкие страницы в зарубежной судьбе Шолохова-художника весьма богаты и впечатляющи. Как

6 Junge Schriftsteller der DDR. – Berlin, 1957. – S. 7.

для критической, философской и общественно-политической мысли, так и для писательской практики в Германии его роль оказалась весьма значительной. За годы существования ГДР (1949-1990) теоретическое завещание И. Бехера стало реальностью, о которой говорил в выступлении на V съезде писателей СССР (1972) Герман Кант, в очередной раз обративший внимание на творчески плодотворный диалог культур-цивилизаций. «Из книг, написанных в нашей стране и в целом составляющих литературу ГДР, более чем каждая вторая обязана своим идейным содержанием и гуманистической направленностью встрече с русской литературой»⁷. На новом историческом этапе немецкого общества российская словесность, продолжая давно начатый многоаспектный диалог с немецким сознанием, играла значительную роль в его успешном социокультурном развитии⁸. Освоение художественного наследия Шолохова принимало за рубежом всё более многообразное проявление.

7 Зарубежные гости приветствуют съезд // Лит. газета, 1971, 7 июля. – № 27. – С. 15.

8 Röhner E. Abschied, Ankunft und Bewährung. Entwicklungsprobleme unserer sozialistischen Literatur. – Berlin, 1969. – S. 21.

Шолоховское творчество осознавалось как феноменальный пример эстетического освоения действительности. Председатель Союза писателей ГДР Г. Кант ответственно заявил на VII съезде *о влиянии, наложившем отпечаток на всю литературу ГДР*, связанного с именами Шолохова и многих других⁹.

Шолоховское «искусство правды жизни»

Влияние шолоховского «искусства правды жизни» как метода многосторонне и находится в органической связи с творческой индивидуальностью каждого зарубежного автора: от воздействия эстетических и мировоззренческих взглядов до усвоения разнообразных элементов художественной системы. Так, в восприятии большого мастера исторического романа Л. Фейхтвангера, «Тихий Дон» – «сильнейшее произведение советской литературы, мощный прозаический эпос Шолохова»¹⁰. Крупный филолог Г.

Майер также утверждал: «В нашей литературе существуют в высшей степени своеобразные элементы, которые не проступили бы наружу с такой чистотой и такой всеобщностью, не будь влияния русской советской литературы»¹¹.

Однако важная особенность шолоховских персонажей – *ёмкий показ их в становлении и развитии*, с эволюцией в мировосприятии. Славист К. Шуман в докладе «О некоторых аспектах восприятия и влияния творчества М. Шолохова на литературу ГДР» подчеркнул, что «такие образы, как Мелехов, всегда заново открывались» молодыми писателями¹². Впечатляющее умение показать человека, который мучительно трудно ищет себя на переломе эпох и целеустремлённо шагает по жизни, составляет ценнейшее качество нашей отечественной литературы и имеет непреходящее значение для других литератур мира.

Rudolstadt. – München, 1961. – Ss. 104-105.

11 Mayer H. Deutsche Literatur und Sowjetliteratur // Deutsche Literatur und Weltliteratur. – Berlin, 1957. – S. 35.

12 Schuhmann K. Zu einigen Aspekten der Aufnahme und Wirkung des literarischen Werkes von M. Scholochow in der DDR-Literatur // Werk und Wirkung M. Scholochows im weltliterarischen Prozess. – Leipzig, 1977. – S. 201, 249.

9 Творчество и жизнь.

Литературно-художественная критика ГДР / Пер. с нем. – М., 1976. – 298 с.

10 Feuchtwanger L. Das Haus der Desdemona, oder Grösse und Grenzen der historischen Dichtung. Greifenverlag zu

Гений Шолохова позволил создать в его произведениях *модель человеческого бытия*, не теряющего своего значения во времени и пространстве благодаря концентрации ценнейшего художественного и человеческого опыта. В российско-зарубежных культурных контактах, в процессе диалога культур-цивилизаций и плодотворного освоения опыта вступившими в диалогические отношения с автором «Тихого Дона» и «Поднятой целины» писателями, рождалось своё, национально-историческое, выстраданное в творческих муках-исканиях. И вместе с тем деятелями зарубежных культур создавалось нечто родственное шолоховской поэтике и эстетике, справедливо ставшее действенным «учебником мастерства».

Об их *типологической и творческой близости* к Шолохову-художнику свидетельствуют исследования Т. Мотылёвой, В. Фортунатовой, Г. Фролова, В. Помозова, Н. Стопченко, К. Батта, З. Бокк, П. Кесслера и других. Несправедливы попытки некоторых критиков искать только следы прямых заимствований и совпадений в произведениях зарубежных прозаиков: у них талантливые книги, отмеченные собственными художественными достоинствами и находками. В частности, не случайно в

них отразились две характерные тенденции: обращение к немецкой классике с целью более глубокого постижения сложной действительности, своеобразного «осовременивания» истории и поиски исторических ценностей в сегодняшнем дне с использованием «историзации современности»¹³. Правоммерно отметила филолог-германист В.А. Фортунатова: «К 80-м годам литература ГДР достигла высокого художественного уровня. Это проявлялось в структурно-композиционной организации текста, в семантике мотивов и глубинных образов. Последнее десятилетие литературы ГДР, отмеченное симбиозом жанровых форм, сближением повествовательных структур романа и повести, художественного и документального начал, пронизано жизнью и помещено в контекст национальной литературной традиции. Изучение литературы ГДР традиционно происходило в соотнесении с советской литературой... Но *историческая уникальность немецкой социалистической республики* позволяет наблюдать нечто иное, нежели стереотипы и представления о «секретарской» литературе».

13 Hartinger W. Die Fragen und die Antworten unserer Literatur // Literatur und Geschichtsbewusstsein. – Berlin und Weimar, 1976. – S. 30.

Для зарубежных литераторов разных поколений произведения Шолохова являются ярким примером связи художника со своим народом, а созданные им образы, пронизывающая их *философия истории* убедительно показывают перспективы общественного развития. Так, крупнейшая писательница ГДР А. Зегерс, активно участвовавшая в претворении в духе времени принципов реалистического искусства, и русский классик Шолохов весьма близки во впечатляюще правдивом изображении своей национальной действительности, душевной озабоченности судьбой индивида. Познакомившись с первыми книгами «Тихого Дона» (1929, 1930), она навсегда стала поклонницей шолоховского таланта и принадлежала к числу тех немецких писателей, для которых русский классик «стал учителем не только в литературе, но и в жизни»⁴. Прозе Шолохова и Зегерс присущи отчётливо обозримые сюжетные линии, психологическая индивидуализация персонажей, эпичность общественно-го фона в сочетании с глубоко жизненными и драматическими характерами на переломных этапах национальной истории. Для их эпических произведений характерно обращение к важнейшим периодам, в которых ярче

всего проявлялась судьба народов. В них оба писателя укрепляют веру человека в себя, совершая значительный вклад в защиту индивидуальной свободы. Для немецкой писательницы решающий смысл имела глубокая связь шолоховского искусства раскрытия внутреннего мира человека с социальным сознанием героев его произведений. «Тихий Дон» и «Поднятая целина», с их проблемами социального переустройства и становления нового сознания индивида оказывали влияние на её творческие искания, когда типологическое сходство сочеталось с непосредственным воздействием шолоховского слова.

В статьях, выступлениях на съездах и писательских встречах она часто ссылалась на его творческий опыт, обращая внимание литераторов ГДР на мастерство изображения им сложных жизненных процессов, на диалектику конфликта и характера в сочетании с идейной глубиной повествования. В данном случае это не просто дань уважения большому русскому художнику с мировой славой, но и фактически документальный материал, отражающий её собственный опыт и творческие поиски. Отечественный филолог Г.А. Фролов обоснованно отмечал, что «Тихий Дон» и «Судьба

человека», «Седьмой крест» и «Мёртвые остаются молодыми» утверждают *новый тип героя*, не являющегося лишь объектом игры внешних сил, тем более их жертвой, социально и нравственно активного, стремящегося к гуманизации жизни»¹⁴.

Поиски художественного метода для немецкой романистки были далеко не простыми. Её пытливая мысль прослеживается в публицистических работах на противопоставлении и сопоставлении имён художников-реалистов разных эпох – О. Бальзака и М. Шолохова. «Хотя я сама уже давно пишу, – откровенно отмечала она, – в трудные, даже опасные дни эмиграции я начала основательно задумываться над тем, что же придавало такую силу воздействия старым и новым книгам. Я начала размышлять над их композицией и структурой, проверяла утверждения Лукача по романам Шолохова и Бальзака. Я уяснила себе тот *метод*, каким они были написаны»¹⁵.

На IV съезде немецких писателей она выступила с программным

14 Фролов Г.А. Михаил Шолохов и Анна Зегерс // «Тихий Дон» М.А. Шолохова в современном восприятии. Шолоховские чтения / Отв. ред. Н.И. Глушков. – Ростов н/Д., 1992. – С. 142.

15 Seghers A. Georg Lukacs // Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Bd. 5. – Berlin, 1971. – S. 163.

докладом, посвящённом основным задачам литературы ГДР. При этом констатировала, что на современном этапе социокультурного развития уже недостаточно изобразить только конфликт, даже если он дан с бальзаковской силой. Писатель должен так показать его, чтобы было ясно видно *направление общего развития*. «В «Тихом Доне» Шолохов показал как развитие, так и противоречие. Мы переживаем каждый конфликт с главным героем Григорием, столкновение, казалось бы, неразрешимых противоречий. Шолохов беспощадно вскрывает их. Его Григорий, находивший в каждом конфликте личное, временное решение, переходит с одного фронта гражданской войны на другой. Но читатель ни на минуту не теряет направление общего развития, так как автор непоколебимо стоит на своей точке зрения»¹⁶.

Смелость большого художника

Трагедия человека в произведениях Шолохова и Зегерс не предстаёт синонимом его полного крушения. В ней есть всегда для обоих «светящаяся

16 Seghers A. Rede auf den IV. Deutschen Schriftstellerkongress // Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Bd. 3. – Berlin, 1970. – S. 99, 145, 219, 347.

точка надежды». «Трагическая судьба есть составная часть жизни нашего столетия, трагизм – часть правды об этой жизни. Но жизнь идёт вперёд, несмотря на трагедии. В этом заключается подлинный оптимизм Шолохова»¹⁷. Человеческая жизнь всегда богаче классовых отношений или конфронтации. Сопоставляя писательские методы Шолохова и Бальзака, романистка верно определила в первом из них исторически обусловленные перспективы развития, вытекающие из превосходства идейной позиции русского художника. Вследствие этого, резюмирует она, шолоховский реалистический метод в состоянии разрешить самые сложные противоречия. «Для этого нужны знания и умения. Шолохов показывает их в «Тихом Доне». Чем крупнее художник, тем лучше он умеет показать развитие во всех его противоречиях, не утрачивая правильного направления, не опасаясь, что он изобразит конфликт слишком резко и при этом не увязнет в негативном».

Зегерс акцентировала внимание на том, что Шолохов предстаёт образцом для многих писателей-реалистов, когда изображает общество в широком

17 Forum». – Berlin, 1959, 10. Dezember. – S. 12.

социальном разрезе. В высказывании нельзя не уловить те творческие размышления, которые владели ею, когда она приступила к написанию романа «Решение» (1959) – произведения с острыми, *по-шолоховски* крупными и непримиримыми конфликтами, через которые пробивала себе дорогу историческая действительность – социальная новь на немецкой земле.

Филолог К. Батт, исследуя её публицистику, отмечал в содержательном эссе, что для писательницы «усвоение литературных влияний означало вместе с тем *их преодоление*, было своеобразным преобразованием материала, при котором художник полностью перерабатывает все элементы чужого произведения искусства»¹⁸. В другой своей работе, посвящённой творческому пути писательницы, он фиксировал, что освоение опыта русской классической (Л. Толстой, Ф. Достоевский и др.) и современной русской (М. Горький, М. Шолохов и др.) литературы проявилось у неё в программной формуле «проникновение во внутренний мир человека»¹⁹.

18 Positionen. Beiträge zur marxistischen Literaturtheorie in der DDR. – Leipzig, 1959. – S. 161.

19 Batt K. Anna Seghers. Versuch über Entwicklung und Werke. – Leipzig, 1973. – S. 240.

В одной из своих статей Зегерс раскрывала некоторые аспекты социальной концепции творчества Шолохова и отмечала гражданскую смелость русского писателя в раскрытии общественных конфликтов. «Шолохов заставляет своих читателей заново поднять целину. У него смелость большого художника. Он не боится показать противоречия, с которыми неизбежно связан процесс развития». В очерке, специально написанном для сборника к 60-летию русского прозаика, она вновь подчеркнула ту же мысль. «Читая «Тихий Дон», мы поняли, что происходило со старым народом в новой стране. Мы проглотили огромный кусок жизни, который Шолохов бросил нам, страшно голодным до правды... Оно (общество) было схвачено силой великого художника. «Поднятая целина» – безжалостная, неприкрытая правда. Не та скрюченная, деформированная, кажущаяся, а подлинная, настоящая, источником которой является жизнь. Книги Шолохова – голос совести, призыв, обращённый к литераторам: пишите правду!»²⁰.

И шолоховское слово находило пути к сердцам и умам через при-

тяжение и отталкивание в диалоге с творческими исканиями зарубежных писателей, признающих идейно-эстетическое освоение русского классика и подтверждающих его своей писательской практикой. «Русская концепция романа» позволяла потоку жизни непрерывно вливаться в их художественный мир¹².

Среди известных немецких писателей старшего поколения, для которых творчество Шолохова также «послужило одним из первых сильных импульсов в создании новой демократической культуры»⁴, был и Вилли Бредель. Мощный творческий заряд он получил при знакомстве с первыми книгами «Тихого Дона» в Германии (1929, 1930), «подсказавшими» начинающему писателю не только понимание нового характера революционной эпохи, но и новаторство самих принципов её художественного отображения. Потрясение от чтения шолоховского романа осталось на всю жизнь: «Сначала я думал, что никогда не смогу после этого написать больше ни строчки. Но однажды увлёкся и начал писать роман «Испытание». В дальнейшем на моё творчество постоянно оказывало воздействие углублённое знакомство с новой русской литературой, причём Шолохов имел

20 Шолохов / Сб. ст. – М.: Просвещение, 1966. – С. 118.

для меня особенно большую притягательную силу романом «Поднятая целина»²¹.

Сохраняя творческую индивидуальность Бределя, его исторические трилогии «Родные и знакомые» (1941-1943) и «Новая глава» (1959) передают *типологическое сходство* с романистикой Шолохова и обогащение расширением идейно-эстетического кругозора немецкого писателя, повышением его художественного мастерства. Оно чувствуется в глубине проникновения в социальную психологию персонажей, в умении увязать движение человеческой души и мысли со значительными событиями времени, в способности видеть в «простом» человеке интеллектуальную мощь и нравственное здоровье, преобразующую мир революционную энергию в реалистической достоверности и многоохватности жизненных явлений.

Шолохов навсегда стал духовным спутником Бределя, который живо реагировал на появление новых произведений русского классика, выступал с рецензиями на них в немецких и российских средствах массовой информации. В частности, в предисловии к главам незаконченного рома-

на «Они сражались за Родину» (1960), опубликованного к 15-й годовщине освобождения немецкого народа от фашизма, он сделал проницательный вывод об одной из слагаемых победы СССР. «Шолохов показывает нам советских людей в различиях их характеров и особенностей и одновременно в том, что соединяет их как семью, объединяет как братский союз: в любви к родине и ненависти к фашистам»²². Бредель проявил редкостный пример органического единства жизненного и творческого пути, что позволило ему постичь Шолохова-художника и человека.

Известный славист В. Бейц фиксировал на II Шолоховском симпозиуме в Лейпциге (1975), что в 60-е годы усилились две тенденции в изучении творчества Шолохова: «Стремление глубже понять его произведения, исходя из исторических моментов современной эпохи, и включать его литературные достижения в более широкие современные мировые взаимосвязи». Оба исследовательских поля находились в центре внимания современных немецких и отечественных шолоховедов.

21 Deutschland – Sowjetunion. – Berlin, 1966. – S. 408, 448.

22 Bredel W. Vorwort // Scholochow M. Sie kämpften für die Heimat. – Berlin, 1960. – S. 4.

Многостороннее влияние Шолохова-художника на зарубежных писателей прослеживается не в сходстве отдельных образов, сюжетной коллизии, определённых поэтических средств и деталей, а в *расширении идейного и эстетического кругозора* литераторов, в обогащении их художественного мастерства, в основных принципах изображения типичных явлений жизни. Инонациональное освоение вместе с тем немислимо без творчески преобразующей мысли художника, без создания новых ценностей.

Благотворное воздействие художественного опыта и творческой личности Шолохова помогало зарубежным писателям успешно решать национальные проблемы современной словесности. К примеру, с середины 50-х годов в литературной жизни ГДР во весь голос заявило о себе молодое поколение писателей, принёсших с собой выстраданную тему *«расчёта с прошлым»* о поисках жизненной опоры и выборе дорог среди хаоса, смерти и разложения гибнущего, обанкротившегося мира. Тема продолжала оставаться злободневной под «расколотым небом», вызывая интерес к произведениям как писателей ФРГ, так и ГДР, которые гораздо

глубже диалогически осмысливали, более откровенно и честно решали эту проблему.

Романы «Приключения Вернера Хольта» Д. Нолля, «Мы не пыль на ветру» М.В. Шульца, «Ложь» Г. Отто, «Украденная юность» В. Нейгауза, «Овраг» Г. де Бройна, «Однополчане» и «Еврейский автомобиль» Ф. Фюмана гневно и решительно разоблачали фашизм. Они исповедально раскрывали невероятную сложность процесса духовного оздоровления нации, извилистого пути своих героев к «новому берегу»... И потому совершенно справедливо книги М.В. Шульца и Д. Нолля носят символически выразительные подзаголовки «Роман о непопулярном поколении» и «Роман о возвращении на родину».

«Немецкие Мелеховы» в литературе ГДР

В послевоенной Германии «немецких Мелеховых» было значительно больше, чем в какой-либо иной западной или восточной, латиноамериканской или славянской стране, где произошли социальные революции. И в этом плане шолоховский «Тихий Дон» давал немецкому художественному сознанию мощный импульс в

разработке важнейшей национальной темы «литературы прибытия» (Ankunftsliteratur),²³ которая охватывает произведения об агонии фашистского рейха, утраченных иллюзиях верно служивших ему вчерашних солдат, их мучительных раздумьях и поисков путей к новой жизни. Не случайно в этих произведениях – в частности, в упомянутых романах Д. Нолля и М.В. Шульца, – связанных с рефлексией на национальную литературную традицию «воспитательного романа» и впечатляющим диалогом с шолоховским романом, есть сходное типологическое стечение ситуаций и образов, как и в «Тихом Доне»²⁴.

Изучая национальный литературный процесс, опытный славист и шолоховед В. Бейц отмечает: «Важно не только исследование разнообразного влияния одной литературы на другие, но прежде всего раскрытие тех родственных вопросов и приёмов изображения, которые возникают из общественных импульсов и творчес-

ких возможностей»²⁵. Вернер Хольт, Руди Хагедорн и их многие сверстники прошли «тяжкий путь познания», но в отличие от Григория Мелехова быстрее нашли своё место в новой жизни. «Личная трагедия Мелехова, – подчеркнул славист Э. Рёнер, – не препятствует тому, чтобы в историческом движении русского народа и в росте его революционных сил стала очевидной *перспектива*. Подобный путь прошли герои Д. Нолля и М.В. Шульца»²⁶.

Дружеские встречи во время визита Шолохова в ГДР (май-июнь 1964 г.) ещё раз подтвердили беспрецедентный успех его произведений среди читателей и деятелей немецкой культуры, нашли широкий резонанс в прессе. Так, Э. Нойч откровенно вспоминал: «С разгромом фашизма было связано полное крушение идеалов нацистского времени. Произведения Шолохова воздействовали как *духовное откровение*: от них исходила необычайная, достойная подражания сила»²⁷. Данный вывод он вновь под-

23 Термин «литература прибытия» возник в критике от названия повести Б. Рейманн (1933-1973) «Прибытие в будни» («Ankunft im Alltag», 1961).

24 Conrad H. Zu den jüngsten Auseinandersetzungen um M. Scholochows Geschichte- und Menschenkonzeption // ZfSl, Bd. XV. – 1970. Н. 3. – S. 307, 367.

25 Beitz W. Vielstimmigkeit und Einheit. Aktuelle Fragen der zeitgenössischen multinationalen Sowjetliteratur // Weimarer Beiträge. – 1974. Н. 7. – S. 9.

26 Röhner E. Arbeiter in der Gegenwartsliteratur. – Berlin, 1967. – 107 s.

27 «Neues Deutschland», 1964. 26. Mai. – S. 8.

черкнул на одной из конференций писателей: «Я вижу образцы, достойные для подражания, в Шолохове...»²⁸.

Эпопея классика произвела глубокое впечатление и на писателя М.В. Шульца, оценившего изучение крупнейших произведений русской прозы как «высшую литературную школу»: «Она (школа) помогла мне осознать, что мы – не пыль на ветру. Когда я в 1946-1947 годах прочитал «Тихий Дон», меня захватила форма, которой Шолохов породил великий эпос рождения нового мира при большой индивидуализации всех действующих лиц»²¹.

Мастер интеллектуального романа, М.В. Шульц весьма впечатляюще отметил в памятной беседе с Шолоховым высокую миссию его творчества: «Как однажды было сказано, что все гиганты русской литературы вышли, в известном смысле, из «Шинели» Гоголя, так можно сказать о писателях ГДР: о нас не могло быть и речи без Горького, Шолохова, Островского»²⁹.

Его коллега К.-Г. Якобс отмечал особую роль «Поднятой целины» в своём становлении как писателя:

28 Zweite Bitterfelder Konferenz. – Berlin, 1964. – 158 s.

29 Ein Blick ins Buch und zwei ins Leben // «Neue Berliner Illustrierte». – 1963. – No. 19. – S. 9.

«Это была большая любовь с первого взгляда. Много раз с тех пор я изучал Шолохова. Должен назвать себя его учеником»³⁰. С ним солидарен и Гюнтер Гёрлих: «Первая русская книга, которую я прочитал, был шолоховский «Тихий Дон». Она произвела на меня одно из самых глубоких впечатлений. Во мне постепенно пробудился интерес к советской литературе, и я должен сказать, что это сыграло большую роль в моём рождении как писателя»³¹.

Русские темы и мотивы в творчестве крупного немецкого драматурга Хайнера Мюллера (1925-1996), трансформированные в поэтике прямого наследника брехтовской традиции, обрели «то философско-очуждённый, то очуждённо-поэтический характер». «Иногда он заведомо переоценивал первоисточник, видя в нём в потенциале зерно трагического эпоса, о котором «праавтор» и не помышлял». Так, под влиянием «Тихого Дона» Шолохова Мюллер создал в 1970 году трагическую притчу «Маузер», в которой «нет и намёка на шолоховский бытовизм и этнографический колорит»³².

30 «Neue Berliner Illustrierte». – 1965. – No. 20. – S. 10.

31 Огонёк. – 1981. – № 43. – С. 26.

32 Колязин В.Ф. Драматургическая поэтика Х. Мюллера // Германия. XX век. Модер-

Яркий пример «отталкивания» от опыта и поэтики русского классика.

Славист Х. Конрад видела особую заслугу «Тихого Дона» в том, что крупнейший эпический писатель современности показал принципиальные закономерности для каждой литературы, которая хочет художественно изобразить *пробуждение и становление личности* в эпоху всемирно-исторических перемен.

Эрик Нойч относится к числу тех немецких писателей, кого навсегда пленил художественный мир шолоховского романа и сопровождал в творческих исканиях. В выступлениях на литературных съездах и конференциях, на страницах печати он часто делился своими раздумьями о роли русского романиста в своей писательской судьбе. В обстоятельной статье «Встречи с Шолоховым» Нойч с благодарностью в его адрес вспоминал о встречах с книгами писателя, а позже и с ним лично. «Тихий Дон» произвёл на меня сильнейшее впечатление. Борьба за новое признание, за своё подлинное место в мире, – что мы видим на примере Мелехова и других, – это именно то состояние, на которое было похоже тогдашнее моё, сочетав-

низм, авангардизм, постмодернизм. – М., 2008. – 466 с.

шее в себе нечто приключенческое и реалистическое одновременно. Словом, я сливался – и с каждой страницей всё больше – с героями «Тихого Дона». Сегодня мне представляется особенно отчётливо: Шолохов одним из первых открыл мне глаза, он облегчил доступ к другим авторам... Позже, когда начал писать, я открыл в нём, как, впрочем, и в других книгах Шолохова, *метод*, который кажется мне наиболее подходящим для отображения социальной борьбы средствами художественной литературы. У меня *родство* с Шолоховым. Во всяком случае, выражено оно достаточно сильно в романе «След камней». Я люблю в нём безусловную честность в изображении конфликтов, фантастическую жёсткость его реализма, поэзию детали, независимость. Благодаря Шолохову я нашёл себя, ещё раз утвердился в самом себе... Этим он способствовал моему человеческому становлению»³³.

Действительно, «присутствие» Шолохова в большом «производственном» романе Э. Нойча «След камней» (1964) проявляется как логически обоснованное следствие глубокой

33 Neutsch E. Begegnungen mit Scholochow // Begegnung und Bündnis. – Berlin, 1973. – S. 611, 612, 619-620.

по замыслу творческой рефлексии на «Тихий Дон», как отражение постоянного диалога культур-цивилизаций. В философско-аналитическом звучании произведения – впечатляюще ёмкое воспроизведение современной эпохи, духовное и идейно-политическое становление человека в новом обществе как один из вариантов «литературы прибытия» в лице рабочего Балла, проблема ответственности перед собой и своей страной.

Не случайно опытный славист Х. Конрад пошла ещё дальше в своей констатации: Э. Нойч творчески опирался на богатый опыт русского романиста при изображении важных перемен в мировоззрении немецкого народа. В другой статье немецкой исследовательницы предлагалось типологическое сравнение рассказа М. Шолохова «Судьба человека» и романа Э. Нойча «В поисках Гатта» (1973), послужившего «материалом для раскрытия значения творчества русского писателя в мировом литературном процессе»³⁴. Опираясь на эпическое мастерство Шолохова, осмысляя его концепцию человека и истории, он давал в своих романах собственный

ответ на вопросы о сущности человека современной эпохи. В них явно ощущается, какое глубокое воздействие оказал на немецкого писателя, ищущего свой путь в национальной литературе, не только «Тихий Дон», но и рассказ «Судьба человека». В течение многих лет своей художественной практики он всё глубже осваивал философскую проблематику, связанную с эстетическим открытием Шолохова – образом Григория Мелехова. Роман Э. Нойча «В поисках Гатта» можно назвать творческим вкладом инонационального писателя в тот затяжной спор о «Тихом Доне» и его центральном герое, который ведётся в России и в других странах на протяжении нескольких десятилетий.

Безусловно, было бы явным упрощением, справедливо полагала Х. Конрад, считать единственным импульсом лишь знакомство Э. Нойча с рассказом «Судьба человека». Более всего его вдохновили создать роман о становлении и формировании нового человека раздумья о пройденном немецким народом восточной части Германии историческом и социокультурном пути, его несомненных достижениях за четверть века. При этом «Судьба человека» оказалась и *исходной точкой, и творческой опорой:*

34 Конрад Х. Традиции М. Шолохова и современная проза ГДР (Шолохов и романы Э. Нойча) // Шолохов в современном мире. – М., 1977. – С. 179, 180-181, 181.

Нойч и Шолохов «в конечном счёте, ставят вопрос о гуманизме нашего времени, о сущности человека наших дней, о коренных особенностях человеческого в нашу эпоху. Изображая индивидуальную судьбу, оба писателя отражают в ней *историю своего народа* и страны. Новое жизненное начало у Соколова и у Гатта выражается в готовности героев быть ответственным за судьбу других людей».

Вместе с тем *общее* проявляется не только в содержании, но и в композиции названных произведений. Шолохов и Нойч вставили истории жизни своих героев в рамку авторского рассказа. Так, немецкий писатель примечательно фиксировал: «Вспомнил, что такие глаза, словно присыпанные пеплом и наполненные смертельной тоской, были у Соколова, так что боишься смотреть в них. Такие же глаза были и у Гатта, и безмолвная его задумчивость, его дремота, его странное поведение, как будто бы его не было на свете, – всё это были только внешние признаки глубоко в душе пылающего горя»³³. Портретная зарисовка давала авторам возможность полнее раскрыть собственное отношение к персонажам, дать свою впечатляющую оценку их драматической жизни, позволяющую читателям включиться в осмысление их судеб.

Х. Конрад правомерно отмечала, что оба писателя, вставив историю жизни своих героев в авторскую рамочную конструкцию, стремились полнее раскрыть своё отношение к ним, вовлекали читателя в размышления об их судьбах. Они передавали определённую эволюцию в отношениях рассказчика-автора с рассказчиком-героем. И сами герои, доверяя свои трудные судьбы другому человеку, лучше понимали их и испытывали психологическое облегчение. Однако, несмотря на множество типологических сближений и следов шолоховского «присутствия» в идейно-эстетическом содержании, в способах раскрытия характеров, в построении сюжета, имеется и ряд существенных различий между талантливыми произведениями этих писателей. Художественные особенности каждого из них определяются творческой индивидуальностью и наследованием традиций, что позволяет воспринимать их как представителей национальной литературы.

«Очарование человека» в шолоховском романе как магическое поле

Определённую типологическую аналогию по отношению к шоло-

ховской «Поднятой целине» как эпопею о коллективизации представляют, в частности, романы Э. Штриттматтера и Б. Зеегера, посвящённые становлению новой жизни и формированию нового человека на немецком селе.

Творческие кредо Шолохова и Штриттматтера имеют некоторые общие совпадения прежде всего потому, что в своих романах оба писателя отражали *типологически* сходные периоды в истории своих народов. К 50-летнему юбилею русского классика Штриттматтер с признательностью писал: «Моё первое знакомство с Шолоховым состоялось при чтении «Поднятой целины». Я понял, что такое революция: *трудности раздробить окаменелость старого*, удовлетворение и творческая радость, когда становятся зримы контуры нового. Шолохов показал мне *противоречия*, через которые совершается развитие. Он привлёк меня, поставил ближе к нашему делу». Шолоховские эпохальные полотна заставляли мыслить, сопоставлять, вступать в диалог с автором и его персонажами, разбираться в сложных социальных вопросах, и вот «наступает день – и приходит счастье встречи с учителем, подтверждающим твои мысли, *счастье научиться видеть...* Так книги Шолохова не-

вольно становятся учебниками, хотя он не поучает».

Шолоховский стиль, шолоховское видение красоты природы и человека, богатый красками народный язык близки Штриттматтеру-художнику. В «Тихом Доне», развивает немецкий писатель своё видение Шолохова, «он уловил и развернул то, что захватывает от первой до последней строчки – саму жизнь... Он не торопится и оставляет себе время, чтобы обрисованный им ход событий предстал нам во всём правдоподобии. Он ставит своих героев во всё новые ситуации, в которых накапливается их опыт, он показывает, как растёт в них новое, как они отходят от старого... Он не подчёркивает незначительных фактов, а сосредоточивает внимание на действительно поворотных пунктах истории. Из описания событий у него вырастают захватывающие картины борьбы».

Творческое наследование традиций национальной немецкой и мировой литературы выдвинуло Штриттматтера в ряды ведущих мастеров слова в ГДР. Как в своё время новая, революционная Россия сформировала Шолохова, новая немецкая действительность позволила во всём оригинальном своеобразии раскрыться пи-

сательскому таланту Штриттматтера: «Без ГДР я не был бы тем, кем я стал теперь, не знал бы того, что знаю, не смог бы написать того, что пишу»³⁵.

Крупные произведения немецкого романиста – трилогия «Чудодей» (1957, 1973, 1980) и «Оле Бинкоп» (1963) – свидетельствуют о серьёзных достижениях молодой литературы ГДР. В первом из них писатель творчески продолжил традиции «плутовского» и «воспитательного» романов предшествующих культурных эпох, используя опыт Гриммельсгаузена, Гёте, де Костера и других. Но Штриттматтер опирался также на опыт писателей социального реализма – Б. Брехта, М. Горького, М. Шолохова. На образе «чудака» и «оригинала» Станислауса Бюднера он обличал пресловутую немецкую «погружённость во внутренний мир» (Innerlichkeit), прослеживая сложный процесс пробуждения сознания простого немца, который освобождался после «хождений по мукам» от коричневого наследия прошлого и стоял на пороге новой жизни.

Здесь близость эстетического кредо Шолохова творческому почерку Штриттматтера сказалась в особом

35 Neue Deutsche Literatur. – 1959. – No. 9. – S. 121.

внимании автора к языку: его народности, образности и красочности, насыщенности поговорками и лексикой, почерпнутыми из речи простых людей города и деревни. Выразительный, сочный, лёгкий, поэтический, с иронией и юмором язык двух больших мастеров слова идёт от их глубокой и кровной связи с народом, жизни среди крестьянства. Язык нередко диалектный и потому трудно поддающийся переводу на русский. Общие черты творческой палитры проявляются иногда вплоть до случайной фразеологической реминисценции. (Ср.: «Густав Бюднер был связан с миром, словно прочной *пуповиной* (Nabelschnur), целой цепью жизнестойких предков»³⁶. У Шолохова: «Со слезой и с кровью рвал Кондрат *пуповину*, соединявшую его с собственностью, с быками, с родным паем земли...»)³⁷.

Для обоих художников характерен частный символический приём – построение сравнения или метафоры на началах сближения рядов человеческих переживаний, явлений природы и сельской жизни. Богата словесная инструментовка писателей:

36 Strittmatter E. Der Wundertäter. – Berlin, 1972. – S. 10.

37 Шолохов М. Собр. соч.: В 8 тт. – Т. 6. – 1958. – С. 79-80, 88.

они умеют сочетать раздробленные ряды ощущений – мысли и цвет, очертания предметов, которые воспринимались через деталь. (Ср. у Шолохова: *«Из прорехи разорванной тучи вылуплялся месяц»; «Огрубело сердце, зачерствело, будто солончак в засуху»; «Из ярко-белого подола тучи сыпался и сёк землю косой дождь с градом, перепоясанный цветастым кушаком радуги»*. У Штриттматтера: *«Человек посылает железных голубей и нетерпеливо ждёт их возвращения»; «Сквозь прореху в облаках солнце посылало на землю прощальный луч. Белый мотылёк слетел с неба на покорёженный стальной шлем и забил крылышками», «Оле мысленно причёсывает дикорастущий лес своего прошлого», «Мертке ходит, окутанная плащом любви»* и т. д.).

Шолоховское обогащение жанра романа

В романах Шолохова и Штриттматтера видное место занимают «оригинальные» личности, персонажи с «чудиной». Их особенно много во второй книге «Поднятой целины» (Аржанов, Щукарь, Нагульнов, Размётнов), в «Чудодее» (Станислаус Бюднер), в «Оле Бинкопе» (Оле,

Карл Крюгер). Человеческая «чуждинка», характеризующая тот или иной персонаж, является в то же время составным элементом эстетической концепции писателей. Отнюдь не случайным является обращение Шолохова и Штриттматтера к «оригинальным» личностям. Не только в определённой аналогии социальной жизни русского и немецкого села, но и в поэтической привлекательности и всечеловеческой значимости создаваемых ими образов чудаков и оригиналов кроется причина для таких параллелей.

Шолохов и Штриттматтер – ищущие художники и соотносят личность с различными социальными слоями народа. Им удаётся придать историческую значимость повседневным событиям и будничной работе. Особенность обоих писателей заключалась ещё и в том, что герои «Поднятой целины» и «Оле Бинкопа» даются в многообразной конкретности изображения, обрисованы через непосредственное общение с коллективом, массами. Жизнь и борьба народа в строительстве нового, в том числе и личности, их органическая взаимосвязь определяют композицию и сюжет русского и немецкого романов. Оба автора способствовали обо-

гащению жанра романа, пользуясь приёмами выражения лирического начала. Они убедительно показали, что монументальность в изображении действительности и внимание к индивидуальному, – то есть эпическое и лирическое, плодотворно дополняют и обогащают друг друга. Этот органический синтез, отвечающий современным запросам, должен рассматриваться как творческое продолжение имеющихся лиро-эпических традиций в мировой литературе.

Оба писателя не идеализируют своих героев: сильные и слабые черты их характера диалектически обусловлены, что позволяет им быть полнокровными, жизненными образами. Писатели часто используют приём ухода персонажей в своё прошлое, передаче их мыслей через символику пейзажа или бытовых деталей (Григорий Мелехов, Размётнов, Станислаус Бюднер).

Специфическая социокультурная обстановка в ГДР, утверждает сегодня литературовед-германист В.А. Фортунатова, содействовала формированию художественного сознания с «особым типом героя «не от мира сего» – погонщика волов, чудодея, бродяги, воспитанника, подкидыша, беглеца, демагога, жонглёра... Не

очень пригодным для обитания казался этот мир, в котором можно было выжить лишь в качестве волшебника или фокусника. Внешнюю дистанцию прежде всего самого читателя здесь определяла игра с фиктивными, необычными образами, нетематизированными «видимостями», а также отсутствие смыслового сопряжения авторского сознания и скрытого в своём значении от него предмета изображения».

Вместе с тем на примерах Гремячего Лога и Блюменау Шолохов и Штриттматтер стремились показать события всемирно-исторического масштаба: это не просто хутор и деревня, а один из хуторов и одна из деревень на планете. От хода событий на ней зависит, превратится ли Земля в гниющую картофелину или в спелое яблоко.

«Так что же такое земля? – риторическим вопросом начинает и заканчивает свой роман «Оле Бинкоп» Штриттматтер. – Глазок на коже подгнивающей картофелины или красная точка на освещённой солнцем стороне наливающегося яблока»³⁸. И всем повествованием, мыслями и делами своих персона-

38 Strittmatter E. Ole Bienkopf. – Berlin u. Weimar, 1971. – S. 7, 10, 194-195, 257, 345.

жей подтверждает: успех борьбы Оле и его единомышленников за желанное счастливое настоящее и будущее на немецкой земле – составная часть больших усилий, даже жертв, многих на «освещённой солнцем стороне наливающегося яблока». Образы героев обоих романов убеждают в глубоко *оптимистической концепции* их авторов. В «Поднятой целине» и «Оле Бинкопе» отражена, таким образом, существенная сторона мирового процесса освобождения человека в новом обществе – противоречивое, мучительное рождение нового сознания, а герои постоянно находятся в *движении становления, развития*.

Начало новой жизни Шолохов и Штриттматтер определяют, как стремительное движение вперёд. В частности, «Жизнь в Гремячем Логу стала на дыбы, как норовистый конь перед препятствием». «Деревенская улица стала *линией старта*; отсюда начался бег в новое счастье». (При этом писатель Б. Зеегер использовал в романе «Осенний дым» даже фразеологическую шолоховскую реминисценцию «деревня вставала на дыбы»)³⁹. В романе «Оле Бинкоп» присутствует другой мотив-намёк, когда один из кре-

стьян Ян Буллерт рассказал о своём участии в окружной конференции и просмотре киноверсии шолоховского романа: «Перво-наперво нам показали правду про поднятую целину – такую хорошую».

Иногда Штриттматтер использует, как и Шолохов, приём прямого обращения к читателю, проявляя своё непосредственное участие в судьбе героев: «Но не подумайте, товарищи, что народ в «Цветущем поле» всю зиму только и знает, что рассказывать сказки»; «Любовь сделала его (Комерта) искусным и ловким... Я не преувеличиваю – он мог поймать солнечный зайчик»³⁷. У Шолохова: «Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и всё!»⁴⁰.

Чувствуется типологическая близость Штриттматтера-художника к шолоховским принципам решения конфликта, выбора героя, развития характера. Так, в романе «Оле Бинкоп» он раскрывал специфически национальные особенности новой немецкой действительности на селе

39 Seeger B. Herbstrauch. – Berlin, 1972. – S. 80.

40 Шолохов М. Поднятая целина. – Кн. 2-я. – М., 2003. – 376 с.

и её строителей, позволяя в то же время почувствовать определённое влияние русского писателя в показе противоречивого развития характера, сформированного старым порядком. Целеустремлённость Оле, его страстность при защите убеждений, преданность идеалам, иногда своеволие напоминают по характеру и жизненным эпизодам Давыдова и Нагульнова, что делает его современным правдоискателем, под внешним комическим чудачеством скрывающим острую душевную боль от окружающего социального несовершенства. Острота восприятия мира, доброта, живая заинтересованность в судьбах односельчан позволяют Оле быть не только и не столько мечтателем, сколько убеждённым преобразователем.

Герои Шолохова и Штрिटтматтера обладают большой силой обобщения, позволяющего представить такие характеры, к примеру, в производственной или научной среде. Вместе с тем идейно-тематическое воздействие на творческую лабораторию Штрिटтматтера не приняло форм ученического подражания. Сходство между отдельными образами, мыслями, сюжетными мотивами писателей *не исключало серьёзного различия* в их подходе к аналогичным жизненным

явлениям, что определялось разными национальными традициями. Тем не менее, критика не случайно называла романы Штрिटтматтера и Зеегера «немецкой «Поднятой целиной», сюжетно-композиционная близость этих произведений очевидна.

Немецкая «Поднятая целина» в литературе

Представитель «деревенской прозы» Бернгард Зеегер пришёл в литературу вскоре после войны, как и его ровесники-писатели Д. Нолль, М.В. Шульц, Э. Нойч, Г. Нахбар и многие другие. Наибольшую популярность ему принёс роман «Осенний дым» (1961), удостоенный премии Г. Манна (1962). Эстетическое кредо автора «не терять пульса жизни» органично связано с именем его первого литературного наставника – Шолохова. Б. Зеегер разрабатывал в романе актуальную для литературы ГДР крестьянскую тематику – кооперацию сельского хозяйства. Немецкая деревня конца 50-х годов жила тревожным ожиданием больших социальных перемен, чем и объясняется особое внимание к шолоховскому роману.

Б. Зеегеру удалось показать реальную действительность и насущ-

ные проблемы немецкой деревни того времени и сделать значительный шаг по пути литературного овладения национальной крестьянской тематикой. Картины природы, меткий и образный язык с некоторой долей диалекта почерпнуты немецким романистом из непосредственного крестьянского окружения. Ему свойственны также эмоциональная приподнятость и стремление к выразительной лаконичности диалога. Если шолоховский герой Давыдов неповторимо индивидуализирован, и в этом его огромная обобщающая сила влияния на многих зарубежных писателей, то образ зеегерского Эрнста Вольни создаётся по-иному: немецкий романист сразу определяет идейную основу, своеобразный «стержень» его характера, на который «нанизываются» в различных сюжетных ситуациях романа индивидуальные свойства героя.

Б. Зеегер-писатель глубоко проник во внутренний мир своих героев, из которых ему особенно удалось Вольни, Шиндель и Гриммбергер. Первый напоминает нам некоторыми чертами характера (проницательностью и идейной убеждёностью, чуткостью к людям, стремлением им помочь) и человеческой судьбой (профессиональный рабочий-коммунист, впервые рабо-

тавший на селе, неустроенная личная жизнь, поздняя любовь к Лидии Крагер) шолоховского Давыдова, тип сельского руководителя, соответствующий историческим условиям развития ГДР.

Светлой верой в лучшее будущее народа, страстностью и энергичностью действий, временными «левыми завихрениями» председатель кооператива Шиндель близок другому шолоховскому герою – Нагульнову. По месту в сюжетной и композиционной структуре «Поднятой целины», а также некоторыми чертами характера (отщепенство и обречённость, полная моральная и духовная опустошённость, волчья озлоблённость и страх перед новым в жизни) кулак Гейзер сближается общими характеристиками с Половцевым. Теряя былую почву своего благополучия, предчувствуя гибель, оба они стремятся принести максимальный вред народу, покушаются на жизнь идейных вожаков и организаторов масс на селе.

«Присутствие» Шолохова сказало у Б. Зеегера в сюжете, композиции и особенно в архитектонике образов романа, что увидела и по-своему оценила немецкая критика⁴¹. В своё время А. Зегерс отметила в речи на конференции Союза немецких писателей, что Б. Зеегер «для изображе-

41 Neue Deutsche Literatur. – 1962. – Н. 5.

ния характеров и построения романа «Осенний дым» использовал многое из «Поднятой целины» Шолохова. Каждый из нас изучает и принимает художественное наследие своей собственной страны и всего мира. И тот, кого не коснулось это наследие, *должен чувствовать себя обеднённым*»⁴².

Весьма ценный отзыв, но не менее важно признание самого Зеегера, сделанное с явной симпатией к русскому классику. «Когда я писал свой первый роман, мне не удалось скрыть следы влияния большого мастера. За минувшие двадцать пять лет... к этому прибавилось много известных имён... но первым было имя Шолохова, занимающее в моём сознании особое место и определяемое всей его жизнью, взглядами и произведениями, которые *будут жить, пока живут люди на земле*».

Как свидетельство глубокого освоения Б. Зеегером шолоховской поэтики и образной системы предстаёт тот факт, что один из героев его романа «Отец Батти снова поёт» (1972) *«похож на Григория Мелехова»*⁴³. Б.

42 Seghers A. Rede auf den IV. Deutschen Schriftstellerkongress // Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Bd. 3. – Berlin, 1970. – S. 99, 347.

43 Seeger B. Vater Batti singt wieder. – Berlin, 1972. – S. 103.

Зеегер твёрдо уверен, что немецкие читатели его поймут, когда он напишет об этом сходстве! Талантливое произведение немецкого прозаика отмечено собственными художественными достоинствами и находками, бесспорно говорящими о том, что Б. Зеегеру по-настоящему близко и дорого шолоховские «искусство правды жизни», глубокая идейность и чёткость авторской позиции.

На одном из шолоховских симпозиумов (1965) выступил с докладом писатель Эрих Кёлер, говоривший об эстетических принципах автора «Поднятой целины», о его художественном опыте в оформлении конфликта и концепции личности в новом обществе, творчески использованными им в повести «Искатели клада»⁴⁴.

Эпоха Шолохова в литературе ГДР

«Тихий Дон» содействовал становлению жанра романа-эпопеи, новой формы эпического в литературах мира. В ГДР он содействовал разработке национальной *темы доверия* в новом обществе: один из известных романов А. Зеегерс так и назывался –

44 «Neue Berliner Illustrierte». – 1965. – No. 20. – S. 10.

«Доверие» (1969). Именно под таким углом зрения трактовалась А. Куреллой и Н. Людвиг и решалась писателями А. Зегерс, Г. Кантом, Д. Ноллем, М.В. Шульцем, Г. Отто, Ф. Фюманом, В. Нейгаузом, Г. де Бройном трагическая судьба Григория Мелехова на немецком социокультурном материале: ведь в послевоенной Германии, не забудем, «немецких Мелеховых» было гораздо больше, чем в других странах. *Вопрос о доверии* относился не только к определённому индивиду и предполагал не только доверительные отношения между людьми, но и охватывал новое, в своих общих очертаниях только образовавшееся общество, новую социальную систему с совершенно новыми общественными отношениями. Жизненный путь заветного шолоховского героя, утверждала славист Х. Хертинг, «помогает читателям и писателям найти правильное решение после краха фашизма»⁴⁵. Важной чертой литературы ГДР в 70–80-е годы проявилась тенденция к художественному охвату всей полноты жизни человека и общества.

Шолоховское слово давно обрело в зарубежных культурах, осо-

бенно на немецкой земле, определённые «права гражданства». Знакомство с ним всё новых и новых поколений деятелей культуры, литературоведов-славистов, публицистов, критиков и читателей, заново открывавших для себя, прежде всего «Тихий Дон», «Поднятую целину» и «Судьбу человека», было не только культурной потребностью, но и явилось активным фактором в разработке актуальных задач национальной литературы. Осмысление «зарубежного Шолохова» в данном русле способствовало её поступательному развитию. Деятели культуры ГДР и некоторых других стран наметили в своё время основные установки подлинно исторического понимания и освоения русского гения. В этом заключается труднопереоценимое значение взаимосвязей как важнейшей стороны мирового литературного процесса.

Библиография

1. Зарубежные гости приветствуют съезд // Лит. газета, 1971, 7 июля. – № 27. – С. 15.
2. Колязин В.Ф. Драматургическая поэтика Х. Мюллера // Германия. XX век. Модернизм, авангардизм, пост-модернизм. – М., 2008. – 466 с.

45 Herting H. Das sozialistische Menschenbild in der Gegenwartsliteratur. – Berlin, 1966. – S. 10.

3. Конрад Х. Традиции М. Шолохова и современная проза ГДР (Шолохов и романы Э. Нойча) // Шолохов в современном мире. – М., 1977. – 184 с.
4. Лю Ядин. Шолоховедение в Китае // Вёшенский вестник. – 2010. – № 10. – С. 123.
5. Огонёк. – 1981. – № 43. – С. 26.
6. Сальман Али Маалан. Творчество М.А. Шолохова в арабском мире // Шолоховские чтения. Сб. науч. трудов. Вып. 2. / Отв. ред. Ю.Г. Круглов. – М., 2002. – 195 с.
7. Шолохов / Сб. ст.. – М.: Просвещение, 1966. – 273 с.
8. Творчество и жизнь. Литературно-художественная критика ГДР / Пер. с нем. – М., 1976. – 298 с.
9. Фортунатова В.А. Литература ГДР: между фантомом и реальностью // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 320 с.
10. Фролов Г.А. Михаил Шолохов и Анна Зегерс // «Тихий Дон» М.А. Шолохова в современном восприятии. Шолоховские чтения / Отв. ред. Н.И. Глушков. – Ростов н/Д., 1992. – С. 142-145.
11. Шолохов М. Поднятая целина. Кн. 2-я. – М., 2003. – 383 с.
12. Шолохов М. Собр. соч.: В 8 тт. – Т. 6. – 1958. – 376 с.
13. Batt K. Anna Seghers. Versuch über Entwicklung und Werke. – Leipzig, 1973. – S. 240.
14. Becher J. Verteidigung der Poesie // Becher J. Werke in 3 Bdn. – Bd. 3. – Leipzig, 1971. – S. 91.
15. Beitz W. Vielstimmigkeit und Einheit. Aktuelle Fragen der zeitgenössischen multinationalen Sowjetliteratur // Weimarer Beiträge. – 1974. H. 7. – S. 9.
16. Bredel W. Vorwort // Scholochow M. Sie kämpften für die Heimat. – Berlin, 1960. – S. 4.
17. Conrad H. Zu den jüngsten Auseinandersetzungen um M. Scholochows Geschichte- und Menschenkonzeption // ZfSl, Bd. XV. – 1970. H. 3. – 367 S.
18. Deutschland – Sowjetunion. – Berlin, 1966. – 543 S.
19. Ein Blick ins Buch und zwei ins Leben // «Neue Berliner Illustrierte». – 1963. – No. 19. – S. 9.
20. Feuchtwanger L. Das Haus der Desdemona, oder Grösse und Grenzen der historischen Dichtung. Greifenverlag zu Rudolstadt. – München, 1961. – S. 104-105.

21. Forum. – Berlin, 1959, 10. Dezember. – S. 12.
22. Hartinger W. Die Fragen und die Antworten unserer Literatur // Literatur und Geschichtsbewusstsein. – Berlin und Weimar, 1976. – S. 30.
23. Herting H. Das sozialistische Menschenbild in der Gegenwartsliteratur. – Berlin, 1966. – 78 S.
24. Junge Schriftsteller der DDR. – Berlin, 1957. – S. 7.
25. Mayer H. Deutsche Literatur und Sowjetliteratur // Deutsche Literatur und Weltliteratur. – Berlin, 1957. – S. 35.
26. Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Materialien des Internationalen Symposiums «Scholochow und wir». – Leipzig, 1966. – 296 S.
27. «Neue Berliner Illustrierte». – 1965. – No. 20. – S. 10.
28. Neue Deutsche Literatur. – 1959. – No. 9. – S. 121.
29. Neue Deutsche Literatur. – 1962. – No. 5.
30. Neues Deutschland, 1964. 26. Mai. – S. 8.
31. Neutsch E. Begegnungen mit Scholochow // Begegnung und Bündnis. – Berlin, 1973. – S. 611, 612, 619-620.
32. Positionen. Beiträge zur marxistischen Literaturtheorie in der DDR. – Leipzig, 1959. – S. 161.
33. Röhner E. Arbeiter in der Gegenwartsliteratur. – Berlin, 1967. – 107 S.
34. Röhner E. Abschied, Ankunft und Bewährung. Entwicklungsprobleme unserer sozialistischen Literatur. – Berlin, 1969. – 113 S.
35. Schuhmann K. Zu einigen Aspekten der Aufnahme und Wirkung des literarischen Werkes von M. Scholochow in der DDR-Literatur // Werk und Wirkung M. Scholochows im weltliterarischen Prozess. – Leipzig, 1977. – S. 201.
36. Seeger B. Herbstrauch. – Berlin, 1972. – 364 S.
37. Seeger B. Vater Batti singt wieder. – Berlin, 1972. – 420 S.
38. Seghers A. Georg Lukacs // Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Bd. 5. – Berlin, 1971. – S. 163.
39. Seghers A. Rede auf den IV. Deutschen Schriftstellerkongress // Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Bd. 3. – Berlin, 1970. – S. 99, 347.
40. Strittmatter E. Der Wundertäter. – Berlin, 1972. – S. 10.
41. Strittmatter E. Ole Bienkopf. – Berlin u. Weimar, 1971. – 428 S.
42. Zweite Bitterfelder Konferenz. – Berlin, 1964. – 158 S.

"Sholokhov School" in the world literature

Stopchenko Nikolay Ivanovich

Full Doctor of Culturology, professor,
Southern Federal University,

P.O. box 344006, 105 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to creative influence of Russian genial writer on the world's literature process, more so on German. The exposure to his heritage by many workers of culture from the East, the West and Slavic world, who were eager to chase all the important social and historical changes taking place in their countries on their works was not only a cultural need. It turned up to be an efficient factor in development of actual tasks of national literatures. The reclamation of Sholokhov-the artist backed on traditions in the given stream objectively contributed to their progressive advance in representation of national character, origin and development of new individual and national consciousness, the genre of epic novel. The classic's creative experience, being the backbone of word-level art, contributed to potential revelation of writers' endows in foreign literatures of the XXth – XXIst centuries, and to profound reflection of major social events. Thus, German authors from DDR where Sholokhov was very popular without precedent arranged a large "Sholokhov school". The school made a name in problematic and collisions of novels, in the imaginative system of those who is looking for the truth in life, in resorting to accurate and rich popular language. They traced the main attitudes of the original historic conception and prevailing of the Russian Artist in their culture-civilization. The DDR writers put forward great masters who enjoyed a substantial advance with scientific audience and readership. Here lies the enriching part of dialogic interrelations as an essential branch of the world literary process.

Keywords

Sholokhov school, typological similarity, creative influence, model of human life, teacher in literature and in life, theme of trust, "German Melekhovs".

References

1. Batt, K. (1973), *Anna Seghers. Versuch über Entwicklung und Werke*, Leipzig, 240 S.
2. Becher, J. (1971), "Verteidigung der Poesie", *Becher J. Werke in 3 Bdn. Bd. 3*, Leipzig, S. 91.
3. Beitz, W. (1974), "Vielstimmigkeit und Einheit. Aktuelle Fragen der zeitgenössischen multinationalen Sowjetliteratur", *Weimarer Beiträge*, No. 7, S. 9.
4. Bredel, W. (1960), "Vorwort" *Scholochow M. Sie kämpften für die Heimat*, Berlin, S. 4.
5. *Collection of articles "Sholokhov" [Sb. st. "Sholokhov"]*, Prosveshchenie, Moscow, 1966, 273 p.
6. Conrad, H. (1970), "Zu den jüngsten Auseinandersetzungen um M. Scholochows Geschichte- und Menschenkonzeption", *ZfSl*, Bd. XV, H. 3, 367 S.
7. *Creativity and life. GDR literary and art criticism. Trans. from Ger. [Tvorchestvo i zhizn'. Literaturno-khudozhestvennaya kritika GDR. Per. s nem.]*, Moscow, 1976, 298 p.
8. *Deutschland – Sowjetunion*, Berlin, 1966, 543 S.
9. "Ein Blick ins Buch und zwei ins Leben", *Neue Berliner Illustrierte*, 1963, No. 19, S. 9.
10. Feuchtwanger, L. (1961), *Das Haus der Desdemona, oder Grösse und Grenzen der historischen Dichtung. Greifenverlag zu Rudolstadt*, München, S. 104-105.
11. "Foreign guests welcome the congress" ["Zarubezhnye gosti privetstvuyut s'ezd"], *Lit. gazeta*, 1971, No. 27, p. 15.
12. Fortunatova, V.A. (2004), "GDR Literature: between phantom and reality", *Russian germanistics: Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 1* ["Literatura GDR: mezhdru fantomom i real'nost'yu", *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiiskogo soyuza germanistov. T. 1*], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, 320 p.
13. *Forum*, Berlin, 1959, S. 12.
14. Frolov, G.A., Glushkov, N.I. (1992), "Mikhail Sholokhov and Anna Seghers", *Sholokhov's "And Quiet Flows the Don" in the modern perception. Sholokhov readings* ["Mikhail Sholokhov i Anna Zegers", "Tikhii Don" M.A. Sholok-

- hova v sovremennom vospriyatii. Sholokhovskie chteniya], Rostov-on-Don, pp. 142-145.
15. Hartinger, W. (1976), "Die Fragen und die Antworten unserer Literatur", *Literatur und Geschichtsbewusstsein*, Berlin und Weimar, S. 30.
 16. Herting, H. (1966), *Das sozialistische Menschenbild in der Gegenwartsliteratur*, Berlin, 78 s.
 17. *Junge Schriftsteller der DDR*, Berlin, 1957, S. 7.
 18. Kolyazin, V.F. (2008), "H. Muller's dramatic poetics" *Germany. The twentieth century. Modernism, avant-garde, post-modernism* ["Dramaturgicheskaya poetika Kh. Myullera", *Germaniya. XX vek. Modernizm, avangardizm, postmodernizm*], Moscow, 466 p.
 19. Konrad, Kh. (1977), "Sholokhov's traditions and modern GDR prose (Sholokhov and Neutsch's novels)", *Sholokhov in the modern world* ["Traditsii M. Sholokhova i sovremennaya proza GDR (Sholokhov i romany E. Noicha)", *Sholokhov v sovremennom mire*], Moscow, 184 p.
 20. Lyu Yadin (2010), "Sholokhov criticism in China" ["Sholokhovedenie v Kitae"], *Veshenskii vestnik*, No. 10, p. 123.
 21. Mayer, H. (1957), "Deutsche Literatur und Sowjetliteratur", *Deutsche Literatur und Weltliteratur*, Berlin, S. 35.
 22. "Michail Scholochow. Werk und Wirkung", *Materialien des Internationalen Symposiums "Scholochow und wir"*, Leipzig, 1966, 296 S.
 23. *Neue Berliner Illustrierte*, 1965, No. 20, S. 10.
 24. *Neue Deutsche Literatur*, 1959, No. 9, S. 121.
 25. *Neue Deutsche Literatur*, 1962, No. 5.
 26. *Neues Deutschland*, 1964, S. 8.
 27. Neutsch, E. (1973), "Begegnungen mit Scholochow", *Begegnung und Bündnis*, Berlin, S. 611, 612, 619-620.
 28. *Ogonek*, 1981, No. 43, p. 26.
 29. *Positionen. Beiträge zur marxistischen Literaturtheorie in der DDR*, Leipzig, 1959, S. 161.
 30. Röhner, E. (1967), *Arbeiter in der Gegenwartsliteratur*, Berlin, 107 S.
 31. Röhner, E. (1969), *Abschied, Ankunft und Bewährung. Entwicklungsprobleme unserer sozialistischen Literatur*, Berlin, 113 S.

-
32. Sal'man Ali Maalan, Kruglov, Yu.G. (2002), Sholokhov's oeuvre in the Arab world", *Sholokhov readings. Collection of scientific papers* ["Tvorchestvo M.A. Sholokhova v arabskom mire", *Sholokhovskie chteniya. Sb. nauch. trudov*], Moscow, No. 2, 195 p.
 33. Schuhmann, K. (1977), "Zu einigen Aspekten der Aufnahme und Wirkung des literarischen Werkes von M. Scholochow in der DDR-Literatur", *Werk und Wirkung M. Scholochows im weltliterarischen Prozess*, Leipzig, S. 201.
 34. Seeger, B. (1972), *Herbstrauch*, Berlin, 364 S.
 35. Seeger, B. (1972), *Vater Batti singt wieder*, Berlin, 420 S.
 36. Seghers, A. (1971), "Georg Lukacs" *Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Bd. 5*, Berlin, S. 163.
 37. Seghers, A. (1970), "Rede auf den IV. Deutschen Schriftstellerkongress", *Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Bd. 3*, Berlin, S. 99, 347.
 38. Sholokhov, M. (1958), *Collected works. In 8 vols. Vol. 6*. [*Sobr. soch.: V 8 tt. T. 6*], Moscow, 376 p.
 39. Sholokhov, M. (2003), *Virgin Soil Upturned: Book 2* [*Podnyataya tselina. Kn. 2-ya*], Moscow, 383 p.
 40. Strittmatter, E. (1972), *Der Wundertäter*, Berlin, S. 10.
 41. Strittmatter, E. (1971), *Ole Bienkopf*, Berlin und Weimar, 428 S.
 42. *Zweite Bitterfelder Konferenz*, Berlin, 1964, 158 S.